

СТЕЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

*Ни о чём
не пожалею*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Александрова

Ни о чем не пожалею

«Автор»

2018

Александрова С.

Ни о чем не пожалею / С. Александрова — «Автор», 2018

Ирина полагала, что главное в жизни женщины - обязательно должен быть муж. Он обеспечивает, создает социальный статус. Но ее супруг не был приверженцем такого правила. С его уходом казалось, потеряла все, что было ей значимым. Но как же она глубоко заблуждалась...Содержит нецензурную брань.

© Александрова С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стелла Александрова

Ни о чем не пожалею

Глава 1

– О-о-о! – прозвучал досадный болезненный стон. Это были первые звуки, раздавшиеся в полуденной тишине спальни комнаты.

Ирина с трудом открыла глаза, и уставилась взглядом в потолок с лепными гипсовыми карнизами. Во рту было сухо и противно, голова напоминала пустой чугунный горшок, тронь, зазвенит.

«Вот я напилась вчера, – первая дельная мысль проскочила в ее голове, – и зачем мне надо было так напиваться? Ведь пьянство не мой конек, – подумала она, вспоминая вчерашнюю вечеринку, на которую пошла с мужем, на свое удивление и изумление. – С чего это он вдруг расщедрился и решил взять меня на этот раут? Все время был рядом со мной и не забывал наполнять мой бокал, мило улыбаясь. На него это так не похоже. Вот, зараза, – воскликнула она мысленно, – под конец он подливал не сухое вино, которое я люблю потягивать, а что-то из других напитков, которых на этом вечере было в избытке. Потом я стала подпевать солисту, певшему на сцене, и муж сделал замечание, что с моим голосом только на унитазах из туалета кричать: «Занято». Это меня очень разозлило, и я гордо заявила ему: «Зато у меня очень громкий голос», и на пару с солистом стала орать песню. Но, правда, немного не рассчитала, он уже заканчивал петь, и в наступившей тишине мой голос прозвучал очень противно, напоминая истошный вопль кота, которому наступили на хвост. После этого муж с тихими проклятиями меня уволок с вечеринки, а я заливалась дурацким смехом, радуясь, что сумела досадить ему и его маска лицемерия дала трещину».

Стыдно за все это Ирине стало только сейчас, и она со стоном уткнулась лицом в подушку. Докатилась! Как она еще не начала прилюдно драться с мужем, ради противоречия ему. Ирина повернула налево голову, в ней гулко зашумело. «Какого черта все же я умудрилась напиться, – простонала она, вглядываясь в свое отражение в зеркало спального гарнитура. Потом она повернула голову направо, чтобы посмотреть в окно и понять, что сегодня творится на улице. Май месяц в этом году на удивление был жаркий. Но сегодня был пасмурный день. – Хорошо, не так жарко будет, и дождя бы, давно его не было, – прокомментировала она, и тут ее взгляд выхватил приоткрытый платяной шкаф мужа. Пустой. Там не было никаких костюмов, рубашек, которыми он был так набит, что не хватало на карнизе места для вешалок».

– Какого черта! – вслух высказалась она, поднимая голову с подушки. И тут же ее уронила. Голова закружилась с неимоверной скоростью, будто попала на карусель отдельно от тела. – Не поняла! – растеряннo только смогла она сказать, делая ударение на букве «о».

Ирина знала, что ее муж ходит на сторону, на правую или левую, уже без разницы. Это все равно называлось одним словом – измена. Но она деликатно прикрывала глаза, понимая, что в таком поведении мужа, есть и ее доля вины. Началось это лет десять назад, когда Ирине заявили после семи лет семейной жизни, что ей не суждено иметь детей. Врачи только разводили руками, говоря, что у нее все нормально, но почему не зачинается ребенок не понятно. Короче, нонсенс. И это дало право Анатолию, мужу Ирины, начать паломничество по святым женским местам, но при этом о разводе никогда не возникал вопрос. Так что, адюльтер стал для Линева привычным делом, как, например, покушать хлеб. В отличие от него, Ирина в отместку, так и не сходила ни разу на сторону, не те принципы и не тот менталитет. Ладно, гулять, то он гулял, но уйти из семьи? Ведь стоптанные домашние тапочки удобнее новых ботинок, которые могут натереть мозоль, да и такая новость не желательна при его должности.

Вдруг Ирине припомнилось, как вчера на вечеринке, Толя встретился со своей секретаршей, и после того, как поговорил с ней несколько минут, что-то вложил ей в руку, и та исчезла. А были ли в шкафу вещи после возвращения с вечеринки. Да, кто бы дал на это ответ. Она точно не могла, потому что еще в машине отключилась. «Какой ужас, так напиться женщине, считающей себя леди!» – высказала критику в свой адрес Ирина. – Надо призвать на помощь Наташку. Может ей, что-нибудь известно, – выбирая ее номер телефона на сотовом, подумала она».

Наташка ответила только после шести гудков.

– Ну, – промычала.

– Тебе, что тоже плохо?

– Нет, у меня глиняная маска на лице, – прошептала она.

– Ладно, тогда отвечай просто да или нет, – попросила ее Ирина вялым голосом. – У моего был роман с его секретаршей? Серьезный?

– Да.

– Насколько?

– Настолько.

– Говори яснее.

– Да, блин, ты же сама сказала да или нет, только говорить, – возмутилась Наташа громким голосом, – вот из-за тебя, маска треснула.

– Господи, да у меня в жизни трещина, а ты из-за маски переживаешь. Новую наложишь, а я вот нового мужа не смогу так быстро найти, – уткнувшись взглядом в лепнину карниза, произнесла Ирина.

– Что? – завопила Наташа, так что у Ирины зазвенело в ушах.

– Ой, только не надо так орать, без того тошно. Что тут такого? Толя, наконец-то, бросил меня, – поморщилась Ирина.

– Нет, нормально, у нее из дома муж ушел, она нормальным голосом разговаривает, – продолжала вопить Наташа, так что телефон пришлось отодвинуть на некоторое расстояние от уха. – Я же тебе говорила, что у тебя мужик совсем без тормозов стал. Он переспал с таким количеством женщин – страниц в энциклопедии и то меньше.

– Ну, ты и сказала, – попробовала Ирина протестовать, неужели она настолько плоха, что муж пускался во все тяжкие.

– А то, нет, – взвилась Наташа, – это только жена, как всегда все узнает в последнюю очередь, а всем и так было ясно, что у него со своей секретаршей крутой роман. Шесть месяцев уже длится, правда, а чтобы им после этого и не зажить вместе? – начала разглагольствовать она. – Чего мучаться на две квартиры, в одной удобнее и сподручнее. Да, и молодая она, не то, что мы, старые кошелки.

– Ну, ну, нам только по тридцать шесть, – запротестовала Ирина. – Это не целый век.

– Господи, о чем ты говоришь, только? Нам уже! – со злостью проговорила приятельница. – Кожа висит, морщины везде. Живот торчит, как подушка. Обвисшая грудь. А эта Толькина сияет и светится. Еще бы нет, молодая кожа, живот со спиной вместе, груди торчком.

– Этот недостаток быстро устраняется, – цинично высказалась Ирина, – еще пять лет, и ни того, ни другого у нее не будет.

– Но пока ведь есть! – заорала Наташа, выведенная из себя фразой Ирины, – я столько денег угрохала, чтобы хоть на свои года выглядеть. А у нее все забесплатно.

– Завелась, – простонала Ирина, обрывая ее монолог о женской красоте. На этот предмет Наташа могла говорить часами, – у меня муж ушел, а ты о своей попке обвисшей. Она-то при тебе, как бы то ни было остается.

– Да, лучше бы ее не было, – в сердцах воскликнула Наташа.

– Так, что, ты думаешь, он ушел к ней? – будто не слыша ее, спросила Ирина.

– Думаю, что да. Тем более, она в таком возрасте, что Толька от ее нее сможет ребенка заиметь.

Ирина промолчала. Это тема была для нее очень болезненной. Сердце ее защемило. Ребенок. Она мечтала о нем, как, наверно, только путник в пустыне мечтает о воде. А сейчас, кажется, это уже превратилось в навязчивую мысль. Ребенок начал ей сниться во сне. Вот и сегодня, она нянчилась с ним. Она даже знала, какого пола он был. Мальчик, такой пухленький херувимчик, с завязочками на запястьях, сгибах рук и колен. Она закрыла глаза, вспоминая то видение. Какого же цвета волосы были у него, а глаза? И вообще, это было так приятно возиться с ребенком. Лучше бы она не просыпалась!

– Ирина, Ирка, ты слышишь, о чем я тебе говорю.

– Что? – медленно выплывая из воспоминаний о сне, спросила Ирина.

– Ладно, я сейчас смою маску и приеду к тебе. Решим, что тебе надо делать, – и телефон отключился, так что, Ирина не успела сказать, что приезжать ей сегодня не надо.

На самом деле Ирина подозревала, что Наташка спешила к ней не из лучших побуждений, как-то оказать поддержку или посочувствовать, просто та хотела узнать побольше нюансов об уходе ее мужа. «Любопытство, не порок», – пробормотала она, и, закутавшись в одеяло, решила еще немного поспать. Толку сейчас никакого от нее не будет, если она вскочит, и будет носиться по квартире, выясняя, куда направился муж и что он с собой забрал. – Через пять часов результат будет тот же, так что спешить некуда. Беда от меня никуда не уйдет, а мне и без того плохо, – подумала Ирина. – Спешить теперь некуда, красоту наводить не для кого».

Ирине снилось, что она в ресторане, но почему-то там наигрывали только по полкуплета попсовых песен. Она проснулась и поняла, что это дверной звонок заливадается музыкой.

«Не открою, – зло подумала Ирина, – не то состояние, чтобы выслушивать Наткины нотации».

Но приятельница была из настырных, она начала долбить ногами в дверь, а потом зазвучала бодрая музыка из «Ночного дозора», говоря, что Натка додумалась позвонить на сотовый. Ирина стойко не отвечала. Звонки прекратились, прозвучал сигнал, что поступило сообщение. Ирина лениво включила его. Что интересно там пишет Наташа?

«Зараза, открой дверь, иначе вызову ментов, слесаря, скажу, что ты решила покончить с жизнью».

Это уже было серьезно, Натка могла такое сделать, для нее это к тому же было бы и развлечением. Себя людям показала бы, власть ощутила, и скажут потом, что сердобольность проявила.

Ирина выползла из-под одеяла, оказалось, что она спала, в чем мать родила. Интересно она сама раздевалась или Толик помог. Какой заботливый. Всовывая руки в рукава халата под заливающийся музыкой дверной звонок и сотовый, она поморщилась. Голова до сих пор не представляла собой ничего хорошего.

– Ну? – распахнув дверь, раздраженно спросила Ирина.

– А, значит, живая, – задев плечом, прошла мимо нее Наташа.

Ирина посмотрела на лестничную площадку, не дай бог уже слесарь там стоит, но, не обнаружив никого, с облегчением закрыла ее и поплелась на зазвучавший голос Наташи из гостиной.

– Так, он что ничего не забрал из дома? – И не дождавшись ответа, воскликнула, – уважаю таких мужиков. Джентльмен.

– Ага, – шлепнулась Ирина на диван, – гулял десять лет при совместной нашей жизни, переспав со всем, что движется не выше пяти километров в час, ушел, бросив жену, и при этом джентльмен, – саркастически проговорила она.

– Ого! Значит, еще не все потеряно, если можешь рассуждать в таком духе, – усаживаясь в кресло, сказала Наташа. – А то я, когда стояла под дверью, думала, то ли скорую вызвать, то ли похоронную команду, – и, вытащив пачку сигарет из сумочки, изящно прикурила одну.

– Ну, и дурацкие у тебя шутки. Прошу, не кури здесь, ты же знаешь, что Толик не ... Вот, черт, – схватившись за голову, простонала Ирина.

– Да, привычки трудно искоренять, – с иронией протянула Наташа, глубоко затягиваясь, и выпуская дым, – а насчет шуток ты не права. Знаешь, сколько богатых женщин после ухода мужиков кончают самоубийством. Нет, то не богатые, а уже бедные, пытаются отправиться на тот свет иной. Все дело в том, что после ухода мужика не на что жить. Вот, скажи-ка подруга, с чем ты осталась? – будто между делом, поинтересовалась она.

– Не знаю.

– Ну, ты даешь, ее муж оставил, она спит, как будто он на работу ушел. Ты, что хочешь на панели жизнь кончить?

– Меня туда не возьмут, возраст не тот, – усмехнулась Ирина, оглядывая ленивым взглядом квартиру.

– Глубокой ночью и с большим количеством водки на трешку потянешь, – цинично высказалась Наташа.

– Извини, но я сейчас не в состоянии думать о проблемах глобального масштаба. Мне плохо понимаешь? А ты еще больше усугубляешь мое состояние возней, что мне осталось, а чего нет. Что оставил все мое, от меня никуда не уйдет, – устало проговорила Ирина, и, забравшись с ногами на диван, легла головой на его подлокотник и закрыла глаза.

– Так, так, – проронила Наташа, между затяжками сигареты. – Значит, помощь моя тебе не требуется?

– Сама разберусь, – буркнула Ирина, не открывая глаза.

– Ну, хорошо, не будут навязываться, – обиженно протянула Наташа.

– Послушай, – резко поднялась Ирина, понимая, что не хорошо отталкивать приятельницу, какие бы у той намерения не были. С Наташей они общались с тех пор, как их мужья прокрутили какую-то совместную сделку лет десять назад. Ближе нее, никого из женщин их круга не было. – Не могу сейчас я об этом думать, – вышагивая по гостиной, раздраженно проговорила она. – Вот приведу себя в порядок, посмотрю на себя красивую в зеркале и скажу, как хорошо, что он вообще свалил. Не надо мне теперь думать о его рубашках, подбирать грязные носки по всей квартире, и ждать, думая, где он сейчас и с кем. Понимаешь, ты? – встав напротив сердобольной приятельницы, прошептала она, поджимая губы.

– Тебе и правда не мешало бы привести себя в порядок, – глядя на нее ошеломленно, произнесла Наташа. С синевой под глазами и опухшим лицом, взлохмаченными короткими русыми волосами, стоящими торчком, до которых не добралась сегодня расческа, Ирина напоминала без преувеличения ведьму из сказки. Ей сейчас надо рыдать, беспрестанно выжимая платок от слез, а у нее ни одной не выпало. – Ладно, отдыхай, – и, покривив душой, предложила, – позвонишь, когда помощь потребуется.

Но Наташа знала, что Ирина не из тех, что любят выносить на публику сор из избы и делиться о своем несчастье с другими. Афиширование не в ее чести. До этого у них не было стрессовых ситуаций, чтобы определить, как будет та или иная вести себя в них. Все было прекрасно у них. Богатые мужья, они не работающие, точнее бросившие работу, зачем при таком недостатке надрываться на ней, когда и без того забот хватает. Одну только красоту поддерживать, сколько времени в день надо.

– Ну, пока, – сухо распрощалась с Ириной Наташа, без обычных причмокивания губ возле лица, чтобы не испачкать помадой друг друга.

Закрыв дверь, Ирина, как привидение прошлепала на кухню. Что ни говори, но Натка права, надо приводить себя в порядок, и посмотреть с чем она осталась после ухода Толи.

Пока закипало кофе в турке, ее одолевали мысли о жизни. На что ей жить? Семнадцать лет назад она занималась на дому расчетом бухгалтерии от двух ларьков, с которых и начался их совместный бизнес с мужем. Год спустя их стало три, а еще через полгода они открыли свой первый продуктовый магазин. На волне низкой конкуренции в торговле они за три года потом открыли еще два, и тогда она по просьбе мужа, и по своему желанию, бросила работу. Выяснилось, что Ирина никак не может забеременеть, а биологические часы материнства тикали с бешеной скоростью, поэтому пришлось срочно заняться собой. За пять лет она прошла через такое количество врачей государственных и частных клиник, что сбилась через некоторое время со счета. А о том, сколько дней провела на больничных койках, не стоило говорить и вспоминать. Пять лет мытарств, и в итоге она услышала неутешительный диагноз. Они не понимают, из-за чего у нее не происходит оплодотворение. Но один из врачей, лечивших ее, оставил надежду на призрачную мечту: «со временем может наступить беременность, и Вы родите ребенка. А пока – это не в ваших силах и не в наших. Ждите».

«И когда это время интересно придет, в пятьдесят, что ли?» – едко усмехнулась Ирина, вспомнив его слова.

Из-за сосредоточенности на своей проблеме, она то впадала в депрессию, то в истерику, и перестала интересоваться семейным бизнесом. А когда поняла, что выжидание лучше, чем биться головой об стену и рвать на себе волосы, решила вновь погрузиться в работу. Но ей не нашлось места на их фирме. Муж объяснил это тем, что ею уже много упущено, да и нет смысла теперь этим заниматься, когда бизнес процветает и без ее вмешательства, и помощи. Ей была отведена роль домохозяйки и благодарного слушателя мужа. С ней он делился своими успехами в делах, в том числе, и неприглядных. О таких делах, можно рассказывать, лишь тому, кто находится в одной упряжке с ним.

А шесть лет назад, Толя, каким-то образом пробрался в мэрию города, и стал заведующим в имущественном отделе. После этого, о работе для Ирины, речь вовсе не возникала. К этому времени она сама поняла, что ее поезд ушел, к тому же ей не больно-то уже хотелось напрягаться целыми днями на одном месте и забивать голову цифрами.

Теперь уровень ее практики уже не тот, и в сфере экономики произошло много изменений. Значит, по этому профилю ей не светит работа, остается в официантки податься? Что-то, а деньги-то она умеет считать. Но возьмут ли? Возраст уже не тот, а стажа в трудовой книжке наберется разве что на социальную пенсию. И что ей светит в будущем? Бедная старость.

– Вот, черт, – воскликнула она, увидев, что кофе из-за ее размышлений убежало, залив конфорку и плиту.

После двух глотков черного кофе, в котором и топор бы не утонул, она почувствовала, что в голове стало проясняться, и она даже смогла позлорадствовать. На ее имя были оформлены квартира, и две машины иномарки: темно-синяя «Ауди» модели А 6, и темно-коричневая «Пежо» 307 модели.

– Анатолий это сделал для того, чтобы в случае чего не остаться без ничего, – засмеялась горьким смехом Ирина, – каламбур. Ха, ха, ха, – вырвался у нее нервный смех, который перешел в истеричный хохот, а потом и вовсе в рыдание.

Опустив голову на стол, она заливалась слезами, понимая, что теперь ей рассчитывать не на кого. Пусть муж, живя с ней рядом, не был без ума от нее, и у них остался только пепел от их любовного костра, но все же он оберегал ее от всех житейских проблем. А в мире богатых с обедневшими дружбы не водят. Им вместе никогда не идти в ногу.

Глава 2

- А-а-ах! – звучал женский стон.
- М-м-м! – ей вторил мужской, и обладатель его конвульсивно дернувшись несколько раз затах, уткнувшись головой в подушку.
- Я чуть не умерла, – простонала Виолетта.
- И куда вознеслась бы в рай или ад? – с сарказмом спросил Кирилл, ложась спиной на подушку, и прикуривая с удовольствием сигарету. Года, а их у него уже было сорок два, напоминали о себе, из-за того, что он любил хорошо поесть, а о спорте и не задумывался. Когда? Утром работа, вечером женщины и выпивка. Но, вот уже полгода у него только одна пассива, но она такая горячая, изматывает так, будто бываешь на марафонской дистанции.
- Конечно в рай, – с небольшим жеманством ответила женщина и тоже закурила.
- Боюсь, тебя туда не возьмут, – выпустил он кольца дыма к потолку.
- С чего это вдруг? – с серьезным видом поинтересовалась она.
- Ты изменяешь мужу, а это грех, – усмехнулся Кирилл.
- А тебе, между прочим, тоже не светит это место, – с едкой улыбочкой на пухлых губах проговорила Виолетта.
- А я тут причем? Я никому не изменяю.
- Ты чужую жену соблазняешь, – воскликнула она с довольным видом, что смогла сказать умную вещь.
- Кто говорил бы, – сжал он пальцами сосок ее груди, – у тебя такой вид соблазнительный, что мимо не пройдешь.
- Правда? – с придыханием спросила Виолетта.
- Конечно, бросай своего вояку, на что он тебе нужен? Денег ноль, в перспективе ничего утешительного. Не надоело мотаться по гарнизонам и пользоваться казенной мебелью?
- До чертиков, – вздохнула Виолетта. – Зато дочь от него без ума.
- Ну и что, так и будешь гробить свою жизнь из-за дочери? Состаришься, вспомнить не о чем будет.
- Даю гарантию, что коснись мне подать на развод, дочь останется с отцом.
- Так и пусть остается, большая ведь уже.
- Ты, что, как можно бросить ребенка?
- Дурочка ты, Виолетта, – туша сигарету в пепельнице и поднимаясь с постели, сказал Кирилл. – Я тебе предлагаю обеспеченную жизнь, а ты отказываешься. А от твоего майора, как от кошки – ни шерсти, ни молока.
- Что?
- Что слышала? – натянул он халат, и встал перед ней, глубоко засунув руки в его карманы.
- Нет, это правда, ты хочешь, чтобы я жила с тобой? – вскочила Виолетта на постели ногами.
- Не люблю два раза повторять, – тоном крутого бизнесмена произнес Кирилл, кривя уголок рта.
- Я согласна!
- И дочь оставишь? – с недоверием взглянул он на нее.
- Да, – кинулась она в его объятия. – Мне пора и о себе подумать.
- Кирилл ее подхватил и они, смеясь, закружились по комнате.
- Давай уедем из этого вонючего городка, – остановившись и поставив Виолетту на пол, переводя дыхание, предложил Кирилл.

– Правда? О, неужели я покину его? – радостно завизжала Виолетта. – А я думала, что и помру здесь, – прижавшись к нему, с придыханием произнесла она.

– Да, думаю, надо выходить на просторы. Поедем в Краснодар. Там у меня брат живет, и тоже занимается бизнесом. Он давно предлагал мне войти в долю, только я все никак не решался отсюда уехать. Иди-ка детка на кухню, приготовь что-нибудь поесть, – шлепнув ниже спины, сказал Кирилл. – На сытый желудок и проблемы лучше решаются, их у меня сейчас появилось выше крыши, а я пока схожу, душ приму.

– Кирилл, мне бы домой, – взглянув на часы, показывающие восемь вечера, пришла в себе Виолетта.

– А на кой, черт тебе сейчас туда спешить? Ты же согласилась со мной жить, – вразумил ее любовник. – Можешь с сегодняшнего дня начинать жить со мной.

– Нет, сегодня не получится, – стараясь сохранить остатки пристойности, с задумчивым видом протянула она. – Мужу надо сказать, с дочерью поговорить.

– Ну, знаешь, подруга, так ты ко мне и до Нового года не переедешь, и из городка мы никогда не уедем. Не будешь рядом со мной, я и продажу своих магазинов не буду начинать. А ты сама понимаешь, что переезд надо начинать сейчас весной, чем зимой. Ладно, давай топай к своему драному майору, забудь о том, что я говорил, – и он стал подталкивать ее к выходу, несмотря на то, что она обнаженная.

– Кирилл, – залилась смехом Виолетта, пытаясь легкомысленным видом снять напряжение появившееся между ними, – ты что так и выставишь меня в подъезд? А, я поняла. После этого мне только и останется, что бежать к тебе.

– Какая ты догадливая, – ухмыльнулся он. – Ну, что переезжаешь ко мне сегодня? Я помогу перевезти вещи, – поцеловал он мочку ее уха, и Виолетта почувствовала, как ее пронзило желание. Она еле слышно застонала. – Ну, вот видишь, – прошептал с придыханием Кирилл, оставляя цепочку поцелуев на ее шее, – насколько мы с тобой совместимы.

– Да, мой любимый, – согласилась с ним Виолетта и приникла в долгий поцелуй к его губам, который привел их к более решительным действиям, из-за чего они на полчаса снова потеряли возможность говорить.

– Я перееду к тебе сегодня же, – сказала Виолетта, как только освободилась от объятий любовника. – Ближе к ночи поедем ко мне. Муж уже находится на дежурстве, а дочь надеюсь, в это время будет спать. Мне не хотелось бы видеть на прощание ее глаза обвиняющие и упрекающие.

– Мама, а что это ты так поздно сегодня? – раздался голос дочери, как только Виолетта перешагнула порог своей квартиры спустя три часа и включила в прихожей свет. Кириллу пришлось быстро отпрянуть назад и остаться на подъездной площадке.

– Ты, что это не спишь? – с раздражением прошептала она, увидев ее в дверях детской комнаты в ночной сорочке, которая из-за худобы висела на ней, как мешок. Виолетта, всегда с досадой отмечала, что Веста, несмотря на красоту имени, сама не отличалась ею. Да, еще в придачу к очкам, в роговое оправе, эти скобы на зубах. Вот так посмотришь на свою двенадцатилетнюю дочь и поморщишься, думая, за что ребенка Бог наказал, не дал ему красоту матери и отца.

– Тебя жду. Папа тоже ждал, хотел поговорить с тобой.
Виолетта поморщилась.

– Да, я кассу сдавала, выявилась недостача. Пришлось все по новой пересчитывать, – начала она оправдываться перед дочерью. – Вот и припозднилась маленько.

– Ага, всего лишь на четыре часа, – с сарказмом сказала дочь.

– Ну, ну, поговори еще с матерью, – приструнила ее Виолетта.

– Ладно, пошла, я спать тогда, – зевнула Веста. – Там на плите есть макароны по-флотски.

– Ой, спасибо дочка, – отблагодарила ее непутевая мамочка, не собиравшаяся даже притронуться к еде, после того, чем поужинала у Кирилла. Да, и волновало-то ее сейчас больше, как бы быстро и тихо собрать вещи и умотать из квартиры.

Веста проснулась и, не открывая глаз, подумала, что она отлично выспалась, а вставать, судя по тишине в квартире, еще рано. Потянувшись, открыла глаза и увидела, что сегодня на улице стоит ясная солнечная погода. Скосив лениво глаза на будильник, любопытствовать который час, она в ужасе раскрыла их. Десять часов утра. Они проспали, мама на работу, а она в школу. Веста с криком:

– Мама, мама, мы опоздали, – понеслась в зал, где на раскладном диване обычно спали ее родители.

Забежав туда, увидела, что диван, как стоял со вчерашнего утра собранный, так и продолжает стоять, и даже подушки на нем, на которых долго в ожидании матери валялась Веста, лежали в том же положении.

– Мама, – растерянно произнесла тихо Веста, – а потом закричала в голос, – мама, мама, ты где?

Смутное предчувствие нехорошего поселилось в ее сердце. Она побежала на кухню, и, поняв, что в ней нет смысла искать следы матери, кинулась в прихожую. Включила свет, и ей тут же бросилось в глаза, что нет ни одной пары обуви матери. Ни туфель, ни босоножек и даже домашних тапочек. На стенной вешалке не висел ее летний плащ с кожаной курткой, а на полках не стояли ее сумочки, косметика. Веста побежала снова в зал и распахнула платяной шкаф стенки. В нем сиротливо висели на трех плечиках папины вещи и праздничное платье Весты. В ужасе она смотрела на это и боялась подумать, что мама ушла из дому и бросила ее и папу.

Веста бросилась звонить в магазин матери. Она спросит у нее, почему в доме нет ее вещей.

– Здравствуй, Весточка, – ответила ей сменщица мамы, тетя Люба. – Но сегодня не ее смена, и понятия не имею, где она. Хотя, вот тут мне Алевтина Васильевна говорит, что она уехала вместе с Кириллом Борисовичем. А он, сказал, что его не будет почти месяц. А что случилось, Веста? Она не предупредила тебя об отъезде?

– Нет, – всхлипнула девочка, – и все свои вещи забрала.

– Да, ты что! – с интересом отозвалась женщина.

– Я даже не знаю, что думать, – откровенно призналась она, не понимая, что такое лучше бы скрывать.

– А папа? – продолжала любопытствовать женщина.

– Он тоже, – беззвучно проливая слезы, ответила девочка.

– Ничего себе! – воскликнула довольным голосом Люба, она первая кто узнал ошеломляющую новость о побеге жены майора Краина с предпринимателем Доротовым. Но, опомнившись, что если для населения городка это будет способ хорошо почесать языки, то для дочери Виолетты – это беда. – Весточка, ты не огорчайся заранее, может, мама предупредила папу, – успокаивающим голосом проговорила она. – Может, мама, куда отдохнуть поехала.

– Мне, не сказав? – с недоумением спросила Веста, но плакать перестала.

– Все может быть. Дождись папу, детка. А ты откуда звонишь? Ты что, не в школе? – но ответы на эти вопросы ее не интересовали, на прощание она дала один совет, прежде чем бросила трубку и стала делиться с товарками свежей новостью. – Не расстраивайся, все образуется.

Веста положила гудящую трубку, и подняла глаза. Из зеркала, висевшего над телефонной полкой, смотрела на нее невзрачная девочка. Светлые прямые волосы делали ее безликой. Круглые очки скрадывали васильковый цвет ее глаз, превращая их к тому же еще и в совы. Рот, вообще, лучше не открывать, чтобы не показывать скобу, выпрямляющую ее выступающие вперед два передних верхних зуба. А тело такое тощее, что, чтобы не одели на нее, все

сидело некрасиво. Мама все время вздыхала над ней, когда примеряли обновы, и, видя, что ничто не красит ее дочь. «Наверно она меня бросила из-за этого, – с горечью подумала Веста. – А папу-то за что? Он такой красивый и хороший».

Губы девочки задрожали, и она зарыдала в голос. Она прекращала плач на полчаса, чтобы восстановить дыхание, и начинала снова, бродя по квартире в ночной сорочке, и открывая и закрывая шкафы, но, видя, что в них не осталось ни одной вещи матери, она принималась плакать с новой силой. Она пыталась осмыслить поступок матери.

Ее родители не могли найти общего языка с тех пор, как переехали в этот городок, как мама говорила, медвежий угол, и она здесь изнывала от тоски и потому пропадала по вечерам, чтобы развлечься. Потому из-за этого они ссорились, и, наверно, маме все это надоело. Она давно поговаривала, что ни посмотрит, ни на что, и когда-нибудь умотает отсюда. И вот уехала. Но эти размышления никак не укладывались в голове Весты, она только знала одно, что мама ее бросила.

Краин возвращался домой, как обычно с суточного дежурства, в восемь часов вечера. Но что-то в поведении людей заступающих на смену его насторожило. Они, здороваясь с ним за руку, пристально вглядывались в его лицо, будто пытаясь прочесть его мысли. Не случилось ли что с Вестой и Веткой? – думал он, едя в автобусе, курсирующем между полком и городком. В последнее время поведение жены его угнетало, слишком уж веселая она была, несмотря на то, что веселиться не от чего было. Зарплата прежняя, кроме покупки необходимого, они не могли ничего лишнего себе позволить. Игорь мысленно усмехнулся, хотя жене каждый месяц необходимы новые вещи, на них-то и уходит львиная доля зарплаты. Про себя Игорь и не вспоминал вовсе. Работает в форме, выходных дней настолько мало, что можно обходиться из гражданских вещей одной рубашкой и парой штанов на все оставшиеся случаи жизни.

Сосед по подъезду, встретившийся ему возле дома, поздоровался, странно глядя на него, и быстро прошел мимо. Где-то на лестничной площадке третьего этажа, Игорь услышал звуки, то ли плача, то ли воя, доносящихся сверху. Только, когда он приблизился к дверям своей квартиры расположенной на пятом этаже, понял, что это детский плач. Он быстро открыл дверь своим ключом, и, шагнув за порог, крикнул:

– Веста, Веста!

– Папа, папа, – выбежала из своей комнаты его дочь в ночной сорочке с опухшим от слез лицом, и кинулась к нему.

– Что случилось, Весточка? Двойку получила? – присаживаясь на корточки, нежно спросил он.

– Мама, – всхлипнула она, обнимая его за шею и прижимаясь к нему худеньким тельцем, – мама ушла.

– О, а я думал, что серьезное произошло, – облегченно вздохнул он, еще не обращая внимания, что в прихожей отсутствуют привычные для него вещи жены, – к ночи ведь вернется.

– Нет, – завывала дочь, – она не придет, она бросила меня. Она вчера ночью ушла, когда я спала.

Только тут глаза Игоря заметили, что полка под зеркалом не ломится от женской косметики, она совершенно чиста, а под ней не стоят выстроенные в ряд женские сумочки. Его брови в удивлении приподнялись, и он оглядел прихожую, сверху донизу. Мнение, обо всем этом, он не захотел высказывать дочери и решил оставить при себе.

– Ну-ка, Веста, дай я разуюсь, – поднялся он с каменным лицом.

Девочка, поняв, что сейчас все проблемы возьмет на себя ее отец, перестала лить слезы. Она молча наблюдала, как он переодевается в домашнюю одежду, моет ноги и стирает носки. Его привычные действия, постепенно вносили в ее маленькую душу успокоение. Нет, с уходом мамы ее мир полностью не разрушился, у нее есть папа, для которого она всегда была любимая и красивая.

– Папа, я разогрею ужин, – спохватилась она, и побежала на кухню, чтобы включить газ и поставить на плиту сковородку со вчерашними макаронами с фаршем.

Разговор за ужином не клеился. Обычно дочь и отец в это время успевали обсудить прошедший день в школе, что-нибудь запланировать на следующий день или выходные. Но сегодня все было иначе. Доев все со своей тарелки, Веста положила вилку на нее и стала ждать, пока отец доест свою порцию.

Каким бы спокойным на вид не был ее отец, она знала, что уход мамы и для него неожидан и неприятен. Ему тоже больно оттого, как с ними поступила она, не сказав ничего, ушла тайком из дома.

Звякнула вилка положенная на пустую тарелку. На кухне установилась тишина, нарушаемая только чириканьем попугайчиков в клетке.

– Как ты смотришь на то, Веста, чтобы уехать отсюда?

Девочка с широко раскрытыми глазами посмотрела на отца. Уехать без мамы? А если она вернется? Ей хотелось верить, что мама просто уехала на несколько дней.

– А мама? – жалобно спросила она.

– У меня есть возможность уйти из армии по сокращению, это сулит хоть какие-то деньги и сертификат на жилье. Для тебя это не так понятно, но именно об этом я хотел поговорить с твоей мамой. Мы переехали бы в большой город, и я смог бы найти работу более высокооплачиваемую, чем у офицера российской армии.

– А мама? – с растерянным видом повторила Веста свой вопрос. Как же без нее?

– У меня уйдет почти месяц, пока я смогу порвать с армией, а ты закончишь школу. Если она вернется за этот срок, то там посмотрим, – сказал Игорь, и на его лице заходили желваки. Он знал, что назад хода его жене уже никогда не будет, несмотря на то, что у них есть дочь. Такой женщине нельзя быть матерью. Но ради успокоения дочери, он сейчас мог сказать, что угодно.

Глаза девочки за стеклами очков заблестели, призрачная надежда, что мама все же вернется к ней, обрадовала ее. Веста заулыбалась и, вскочив со стула, подошла к отцу, обняла и поцеловала его в щеку. Игорь поднял ее и посадил к себе на колени, обнял худенькое тело и прижался лицом к нежным щечкам.

– Ой, какой ты колючий, папка, – засмеялась она.

Прозвучавший беззаботный детский смех, заставил Игоря забыть на мгновение предательство жены. Хотя, что говорить, она предала его давно, он просто закрывал на это глаза из-за дочки, гордящейся своей красивой молодой матерью.

Виолетта в свои тридцать лет, выглядела на двадцать пять из-за светлых волос и невинно глядящих на мир голубых глаз. Ее красота, в свое время и сыграла с Игорем злую шутку. Ему было тридцать два, а ей всего семнадцать, но видно его годы не были умудрены опытом жизни. Сказать, что он соблазнил малолетку, язык не поворачивается. Все было в точности наоборот. Виолетта покорила его опытностью в сексе, и теперь он мог сказать, что он замученный тогда одинокой жизнью в далеком гарнизоне, думал не головой. Она в тот момент у него была отделена от тела, и мыслило за него одно место, называемое "мужским достоинством". Ослепленный и ошеломленный тем, что испытал, побывав в ее маленьких ручках, он просто ни о чем больше не мог думать, как только предложить ей выйти замуж за него. Короче, большой мальчик спутал тогда любовь со страстью.

На что он надеялся, беря в жену девушку, успевшую вкусить все прелести жизни и будучи опытной в сексе, чем он? Думал, она станет примерной женой? Что ее молодые годы дадут возможность слепить из нее представляемый ему идеал жены? Великолепную кухарку для кухни, образцовую мать для детей и для себя в постели любовницу. Господи, какая наивность, какая глупость! Великовозрастный болван!

Глава 3

– Слушай, Ирина, за Уфой живет одна бабка, она предсказывает судьбу. Говорят, не то, что наши городские шарлатанки. Сделай одолжение, идем, как-нибудь съездим, – вытаскивая очередную за полчаса сигарету и прикуривая ее, сказала Наташа.

– Что это тебя вдруг несет туда? – глядя на нее бесстрастным взглядом, спросила Ирина.

– Ты думаешь, что одна такая? Боюсь, как бы и мой с какой-нибудь длинноногой не скрылся в дали, – возбужденно произнесла она.

– Тогда сама вперед уйди, – посоветовала, скривив рот в усмешке, подруга, – только побольше хапай, чтобы потом не прогадать.

– Господи, да с тобой серьезно нельзя поговорить, – закатила глаза к потолку Наташа. – Ты, думаешь это мне только надо?

– А кому еще? Мой-то уже ушел.

– Ирина, а насчет возврата ты не хочешь узнать, чтобы быть готовой к чему-то. Все они козлы, поев капусту в чужом огороде, в свой возвращаются, – цинично высказалась Наташа, но ее идея почему-то не заинтересовала Ирину, она оставалась все такой же безучастной, лишь маленькими глотками попивала черный кофе.

А нужен ли ей потрепанный муж, подумала она, рассматривая в большое окно кафе проходящих мимо людей. Женщины, мужчины, по одному, по двое, вместе с детьми. Только она одна. Уже месяц ей хочется выть от тоски в пустой, вдруг ставшей неожиданно громадной четырех комнатной квартире. Что ей делать со всем этим добром, если на это нельзя ничего купить поесть? Банковский счет с пятьюстами долларов, уже на исходе. Она хотела было позвонить мужу и высказать ему все, что о нем думает и к тому же пригрозить, если он не обеспечит ее деньгами, то ему в высшем обществе не поздоровится. Но ее останавливала всякий раз мысль, что не стоит унижаться перед мерзавцем. Иначе, она его и не могла называть. Достойные мужчины не уходят от жен тихо по ночам, как воры. Безденежье привело к тому, что она попыталась устроиться на работу, но попытки не увенчались успехом. На приличную работу ее не брали, нет опыта работы, а в кафе, куда устроилась официанткой, не выдержала сама. Позднее возвращение домой по ночам, лапание управляющего, думающего, что если она одинокая, то любой мужик ей в радость, это было не по ней.

– Ну, так что ты скажешь, – ворвался в ее мысли раздраженный голос Наташи. – Может, она тебе и насчет ребенка, что-нибудь скажет.

– Ха, – мрачно отреагировала Ирина. – Поумнее ничего не могла придумать?

– А что? Это не говорит же, что если мужа нет, то и ребенка не может быть.

– Ага, от святого духа или от сильного порыва ветра можно забеременеть, в отсутствии мужика, – с сарказмом предположила Ирина. – Ладно, поеду, черт с тобой, все равно делать нечего, – согласилась Ирина. А вдруг, и правда бабка, что приятное про ее будущее скажет, и ей даже очень захотелось ехать, и именно сейчас.

– Ой, только не упоминай черта, без того тошно, – протянула Наташка.

– Не тебе об этом говорить, когда не знаешь, куда деньги девать. Короче, оплачиваешь гадание для меня? Тогда поехали.

– Какая ты меркантильная стала, – покачала головой Наташа, а потом с удивлением спросила, – куда?

– Ну, к бабке.

– Вот, прямо сейчас?

– Прямо сейчас, – закидывая ремешок сумочки на плечо, – решительно проговорила Ирина, – иначе можешь о ней больше не заикаться.

Подруга чертыхнулась несколько раз, но примирилась с тем, что ей придется согласиться с Ириной, как никак и свои интересы справляешь. Через пять минут они загрузились в «Фольксваген-Пассат» Наташи и поехали в сторону Бирска. К месту они доехали часа через два. На улице смеркалось. Ирина, выйдя из машины, потянулась, и буркнула Наташе:

– Ага, под Уфой находится.

– Не соври я, ты, вообще, не поехала бы, – подмигнула она, и стала стучать кулаком в большие тесовые ворота.

Только через десять минут, им соизволили открыть их.

– Ну, что, расстучались, – хмурясь, произнесла вместо приветствия женщина в платке лет семидесяти.

Наташка от такой встречи тут же растерялась, но Ирине вбившей в голову, что здесь она может получить подсказку для своей жизни, потеснила подругу и громко произнесла:

– Нам бы узнать кое о чем.

Но старушка, как будто ее не видела, и кивнула головой Наташе:

– Проходи.

У Ирины от изумления брови поползли вверх. Нет, какая наглость, одну приглашают, а другую нет, и она, не дожидаясь, когда ее позовут, быстро шагнула за ворота, и вовремя. Закрывая их, ей чуть не прищемили пятку. Старушка окинула ее странным взглядом, но ничего не сказала.

Наташка ушла вместе с ней в дом, а Ирине осталось сесть на завалинок, разглядывать двор, заросший травой, с покосившимся сарайчиком и гадать, с чего это вдруг бабка не любила ее с первого взгляда. Но ожидание было долгим, так что Ирина стала думать о другом, какие вопросы она задаст этой старой перечнице. Первым делом надо узнать родит ли она когда-нибудь ребенка, хотя, это очень сомнительно уже в ее-то возрасте. Но все же, чем черт не шутит. О! А с кем повязана эта бабушка? С богом или дьяволом? Но ей было без разницы, лишь бы узнать про свою терзавшую ее столько лет мечту. По крайней мере, если и не будет рядом мужчины, то ребенок, который у нее будет, не даст ей впасть в депрессию из-за бессмысленной жизни.

Где-то часа через два вышла из дома с задумчивым лицом Наташка и присела рядом с ней. Ирина ни о чем не стала расспрашивать ее, пока сама не соизволит заговорить. А она медленно вытащила сигарету и только когда, прикурив ее, сильно затянулась и выпустила дым, произнесла:

– На картах гадают. Триста рублей взяла только. Такса намного ниже, чем у городских.

– А стоит ей верить? Может по цене и качество?

– Ну, как сказать? – протянула Наташа, – как будто бы все сходится.

– Как будто бы, – скептически повторила Ирина, – мне точно надо знать, иначе здесь делать нечего. Ну и как, твой при тебе останется?

– Не скажу, нельзя.

– Да, конечно, если это только правда, что она тебе наговорила, – едко усмехнулась Ирина.

Умом она понимала, что нельзя доверять гадалкам, берущим деньги и гадающим на картах. Это же смешно, по каким-то бумажкам судьбу свою узнавать. Но сердце сегодня было отдельно от головы. Оно с болезненным желанием хотело узнать, что в жизни будет все не настолько плохо как сейчас и Ирина изведает счастья, которое все же прописано на ее век.

– Уходя, прикройте за собой ворота, – появилась на крыльце бабка.

– Подождите, – подскочила Ирина, уронив с колен сумочку, – а как же я?

– Вам это ни к чему! – отрезала старая женщина.

– Что? – Ирина начала подниматься по ступенькам на крыльцо. Ехать столько времени сюда и уйти ни с чем? Нет, если так оборачивается дело, она вырвет из нее все о своем будущем. – Я не уйду, пока мне не погадаете.

Старушка сердито на нее посмотрела, и схватилась за дверную ручку. Ирина приложила руку к двери, чтобы она не смогла зайти в дом.

– Вот ведь какая настырная, – поджала губы бабка, – ну уж если ты так хочешь, пошли я тебе скажу, – и она бодро спустилась по ступенькам крыльца и направилась в сарайчик.

Ирина пожала плечами, с интересом поглядывающей на них Наташке, и пошла следом. Пригнув голову, она вошла в сарайчик, оказавшийся дровяником, в котором было очень сумрачно. Ирину даже пробрал немного озноб от такой атмосферы, но желание поговорить со старухой у нее не пропало.

– Вы будете мне здесь гадать на картах? – спросила она с небольшим удивлением, подходя поближе к ней, и недоумевая, что же в такой темноте можно будет увидеть.

– Ты хочешь узнать, что тебя ожидает? – раздраженно спросила старушка. – Ну, слушай, тогда. В твоей жизни будет много проблем, ты, уйдя от одной, будешь иметь другую. Даже не знаю, когда тебе забрезжит счастье, если только муж поможет.

У Ирины от этих слов чуть не отвалилась челюсть и она хотела спросить, а что он снова появится на ее горизонте, но бабка сделала жест рукой, чтобы она молчала.

– Детей не жди, – проговорила она злым голосом, и при этом у нее глаза заблестели зеленым цветом в надвигающейся темноте, так что Ирине стало не на шутку страшно.

– Бог ты мой! – вырвалось у нее из груди, что мелет это старуха.

– Но если хочешь узнать, как уйти от такой судьбы, приезжай завтра. А теперь иди, – махнула она в сторону двери рукой, блестя в темноте зелеными глазами. Ходят тут по пустякам, – пробормотала она.

От ожидающей ее в будущем жуткой картины и жуткого вида бабки, Ирина пулей вылетела из сарая, и пронеслась мимо Наташи со словами:

– Поехали! Чего расселась?

Догнав Ирину возле машины, подруга спросила озабоченно:

– Что она там тебе наговорила?

– Лучше промолчу, – процедила сквозь зубы, усевшись на переднее сиденье, Ирина. – Скажу только одно, что лучше бы не приезжала. Надеюсь, тебе хоть какая-то польза от этого есть.

Попытки Наташи разговорить Ирину по дороге в Уфу закончились ничем, и в машине установилось напряженное молчание. Слова бабки не только не принесли Ирине успокоения, а еще больше усугубили ее мрачное состояние, в котором она находилась после ухода мужа. К тому, что у нее было плохого, еще больше бед напропорчили. Но больше всего угнетало, что ей никогда не познать радости материнства. Холодно распрощавшись с подружкой, хотя в ее злосчастиях она не была виновата, Ирина несколько раз оглянувшись, дошла до подъезда. Возле него она немного успокоилась, потому что под козырьком были установлены камеры слежения, но и от их нахождения, пока она открывала ключом входную железную дверь, ей не было легче. Страх перед темнотой окружавшей ее, парализовал настолько, что она долго тыкалась в замочную скважину, и ей казалось, что сейчас нападут на нее, и ее бесславная жизнь тут же прервется. Только добравшись без приключения до своей квартиры, и захлопнув за собой дверь, она с облегчением вздохнула, но ее тут же пронзили воспоминания о встрече с бабкой. Скинув босоножки, она бегом пробежалась по всей квартире и повключала везде свет.

Приняв душ и перекусив кусочком засохшего сыра и черным хлебом, Ирина настороженно прошла по комнатам, уже выключая свет, и легла спать. Но сон не шел. Перед глазами так и стояли блестящие в темноте глаза старухи. Ирина попыталась подумать о чем-то другом, чтобы забыть о ней, но сквозь череду мыслей, слова бабки и ее неправдоподобно све-

тившиеся зеленые глаза не давали Ирине покоя. Как только она поворачивалась на бок, ей казалось, что за спиной кто-то сидит и тихо подбирается к ней мягкими кошачьими шагами. Она ложилась на спину, но и тогда это ощущение не пропадало. Ей казалось, что в каждом темном углу, кто-то сидит и дожидается, пока она уснет, чтобы к ней подкрасться и обволочь мягко за шею. Так она проворочалась до трех часов ночи, пока глаза не стали слипаться, и она при включенной лампе не забылась тяжелым сном. Но и сон не принес ей успокоения, там, в ночи за ней гналась кошка с большими светящимися зелеными глазами, отчего Ирина в страхе проснулась и облегченно вздохнула, увидев, что наступило утро, и солнечные лучи светят в окно. Она встала, открыла его настежь, с радостью слыша шарканье метлы дворника, хлопанье дверьми подъезда, спешащими на работу людьми, гул двигателей автомобилей, и безмятежное чириканье птиц. Выключив прикроватный светильник, она укуталась в одеяло, вдыхая свежий прохладный воздух утра, и блаженно закрыв глаза, заснула спокойным сном. В этот раз ей приснился знакомый по предыдущим снам младенец. Пронянчившись с ним весь сон, Ирина хорошо выспавшаяся проснулась и заметила с удивлением, что время близится к вечеру. Резкая мысль, что на носу снова ночь, пронзила ее. Забившись под одеяло, она усиленно занялась размышлениями о происшедшем с ней и словах старухи. Тут она вспомнила, как та ей предлагала приехать еще раз. Да, господи упаси! Чтобы снова желать испытать такие ощущения надо быть умалишенной. Кстати, с помощью какой магии все же она гадает, белой или черной? Ответ напрашивался сам собой, набожные люди на картах не гадают. Эта мысль в душе Ирины посеяло еще большую панику, чем была. Она глазами полными ужаса оглядывала комнату, не зная, как ей жить с таким страхом и неожиданно зазвонивший домашний телефон заставил ее вздрогнуть.

– Ирка, привет, чем занимаешься?

– Сплю, – хмурясь, ответила она.

– Что это с тобой? Сплин мучает?

– Да, – коротко ответила Ирина, не решаясь вдаваться в подробности.

– Слушай, составь мне компанию, пойдем, сходим на «Травиату», сербский оперный приехал.

– Ты же знаешь..., – начала Ирина, но ее перебила Наташа:

– Билет за мой счет. Балдею от оперы, а у моего на нее аллергия.

– Во сколько она закончится?

– Наверно, ближе к одиннадцати.

– Не могу, поздно придется домой возвращаться, – произнесла Ирина, вспоминая вчерашние страхи в темноте на улице и в квартире, надеясь, что сегодня она раньше ляжет спать и ночь придет и уйдет незаметно.

– Ну, ты даешь! – воскликнула Наташа, – это, что у меня билеты пропадут?

– Иди одна.

– Ну, ты сказала! – возмущенно отреагировала та. – Умнее ничего не могла придумать? Но Ирина ничего не ответила, в ней сидел страх перед очередной наступающей ночью.

– Слушай, а давай ко мне после оперы, у Эвелины в комнате диван есть.

– Давай, – мгновенно, не раздумывая, согласилась Ирина, услышав такое предложение.

После ночи проведенной вне дома, Ирина ощутила, что ее на людях не терзают страшные мысли и видения, и тогда она стала метаться по знакомым.

Что сделала с ней эта старуха, она не могла понять. Страх перед ночью все сильнее и сильнее окутывал ее, когда она была одна. Стоило ей закрыть глаза, как вставало перед ней видение громадной черной кошки с фосфоресцирующими в темноте зелеными глазами, и рядом с ней была бабка с такими же зелеными глазами, и продолжала говорить ей кучу гадостей. Какого черта ей надо было к ней ездить? Выслушать мрачное будущее? Так, оно и без того таким было, а счастье, разве что только снилось. А теперь и этого не дано.

Ночевать несколько дней подряд у одних и тех же людей, было признаком плохого тона, да и знакомые стали отдаляться от нее, зная, что она теперь не может крутиться в их кругу, а значит и интересы у них разные. Уходя от них, она с горечью замечала, что предложения прийти снова в гости не звучало. Тогда она додумалась до того, что стала отсыпаться днем дома, а ночи просиживать в кафе, хотя прекрасно знала, что деньги у нее уже на исходе. На карте осталось только сто долларов, квартира не оплачена, но Ирина упорно продолжала ночную жизнь в более или менее респектабельных кафе. Оплачивала кабинки и, заказав кофе и пирожные, сидела, наблюдая за людьми и невольно прислушиваясь к их разговорам, здесь ее уже не преследовала старуха с кошачьими глазами. Приходя утром домой, она заваливалась спать, как будто пришла с ночной смены, и, проснувшись вечером, все начиналось снова. В ней гнездились боязнь одиночества и ужас, навешанный старой гадалкой. На исходе двух недель такой жизни, Ирина в одиннадцать часов ночи, сидя в кафе, задумалась, а не взять ли на квартиру какую-нибудь девушку, заодно можно и денежный вопрос таким образом решить. Но мысль, что квартирантка станет приводить кого-то к себе или уходить изредка по ночам, ее отталкивал от такого решения проблемы. Значит, надо выходить на работу, например, ночной официанткой.

Но тут звучный приятный мужской голос, донесшийся до нее из соседней кабинки, заставил позабыть о своих проблемах.

– Все нормально было до этого, пока я крутился водителем здесь. Но шеф решил, что я достоин быть телохранителем, и я не мог отказаться. Все же зарплата хорошая. А теперь в приказном порядке направляет в командировку. Если я сейчас откажусь, то мне придется снова искать работу. А ты сам понимаешь, хорошо оплачиваемые вакансии на дороге не валяются.

– Прекрасно тебя понимаю, – прозвучало сочувствие, произнесенное другим мужским голосом, он тоже был не менее приятным, чем первый. – Сам сменил несколько мест работ, когда что становилось не по мне. Но, увы, бегать так, устанешь, так, что приходится приспособливаться и к людям и обстоятельствам.

– Вот и я такого же мнения. Тем более за поездку обещают двадцать тысяч.

– Отличная цена, если судить, что это выпадет тебе за неделю. Конечно, будет жаль упустить такой кусок.

– Да, еще эта съемная квартира, которая съедает половину месячного дохода, сертификат никак не могу пристроить, чтобы определиться со своим жильем. Ладно, это временные трудности, и деньги деньгами, только не могу же я дочь оставить одну на такой срок, – огорченно проговорил первый голос.

Ирине стало интересно, что представляет собой мужчина с таким голосом. Она приподнялась, чтобы взглянуть на его обладателя. В кабинке сидели двое мужчин друг против друга, один светловолосый с длинными волосами, другой брюнет, с короткой стрижкой. Рост у обоих был приличный, потому что их головы были вровень с перегородкой кабинки.

Но, слова, которые она услышала дальше, ее заинтересовали больше, чем сами мужчины.

– Нанять какую-нибудь няню, для нее? Вот только думаю, найдется ли такая, что с ночевкой будет оставаться. А если и найдется, понравится ли она Весте.

– Папа, Света, – одернул мужчину детский девчоночий голос. – Не забывай, сколько можно повторять.

– Извини. Забыл.

Ирина плюхнулась на сиденье. Мысли ее бешено закрутились. Почему бы ей ни попробовать пойти к девчонке в няни. И деньги будут, и не будет одинокого страха в ночи. Узнать бы только их домашний адрес, она бы тогда наведалась завтра с утра к ним. Но фраза, услышанная ею дальше, заставила сникнуть.

– Завтра позвоню в агентство, может, кого подберут.

– Неплохая идея. Проведешь конкурсный отбор. Дня тебе на это хватит, – поддержал его приятель.

Это ставило крест на блеснувшей надежде Ирины.

– Ну, что давайте, закругляться, а то, – небольшая заминка в речи, – Света, вон уже зевать начала.

– Ты, уж извини, что не смог тебе помочь с твоей проблемой.

– Да, ладно, брось, понимаю, что впятером в двух комнатной, да еще и если Света придет жить на неделю, твоя жена вообще взовьется до небес.

Ирина услышала, как мужчины приподнимаются, и что заставило вскочить со своего места и в мгновение ока оказаться перед ними, она сама не могла понять.

– Простите, извините, меня, – заговорила она взволновано, окидывая взглядом всю компанию, и с удовлетворением отмечая, что мужчина с короткой стрижкой, старше ее по возрасту и к тому же очень симпатичный. – Я нечаянно подслушала ваш разговор о найме гувернантки для Вашей дочери, – произнесла она, переходя на язык светского общества, и тут она замолчала, увидев, как девчонка скривила губы. Дальше слова из Ирины полились не так гладко, она стала говорить, запинаясь, – я могла бы присмотреть за ней. У меня большая квартира, я ей выделила бы комнату. Я не работаю, так, что все свое время могу уделять ей.

Мужчины с интересом поглядывающие на нее, молча, не перебивая, дослушали ее, и переглянулись между собой.

– Кто Вы? – спросил один из них, со стрижкой под бокс.

– Линева Ирина, могу паспорт показать, – полезла она с небольшой нервозностью в сумочку.

– Присядьте, – пристально разглядывая ее, попросил мужчина. Судя по логическому выводу Ирины, он и был отцом девочки, другой, его светловолосый приятель с большим любопытством молча наблюдал за происходящим.

Глава 4

Игорь пристально рассматривал женщину. Не в его правилах знакомиться в общественных местах без представления другими, и можно было, конечно сразу оборвать с ней разговор, но что-то его остановило. То ли взгляд женщины, то ли ее внешний вид, внушающий доверие и говоривший, что вряд ли она из тех, кто занимается древнейшей женской профессией. Но с другой стороны, что она делает в этот поздний час в кафе и одна?

– Вот, пожалуйста, – протянула она ему паспорт, и Игорь заметил, что у нее дрожат руки.

«Наркоманка, пьяница, ищущая легкий заработок? – промелькнуло в голове у Игоря. – Но по дорогой одежде, поведению, по лицу с неброским макияжем, лишь подчеркивающим приятные черты и тонкого запаха духов, исходящих от нее, трудно сказать, что она чем-то крепким злоупотребляет. Так Линева Ирина Николаевна, 1969 года. – Игорь поднял на нее глаза, – а по лицу не скажешь, что ей уже почти под сорок. Хорошо сохранилась, – мысленно усмехнулся он, мгновенно вспомнив и Виолетту, та тоже, моложе своих лет выглядит и пользуется большим спросом у мужчин. Так, у этой дамы, постоянная уфимская прописка с 1998 года на улице Дорофеева. Ого, элитный домик! – Игорь заезжал со своим боссом в этот дом. Интересно, что заставляет женщину, проживающую в таком месте, искать работу? – А вот и штамп о регистрации с неким Линевым Анатолием Валерьевичем в 1988 году, – имя это Игорь уже слышал за время своей короткой работы в Уфе, но в связи с чем, не мог вспомнить. Он пролистал паспорт до графы дети, их у нее не было. – Так, как же она хочет присмотреть за ребенком, если своих никогда не было?»

– Что Вы хотите? – обратился он к ней официальным голосом.

– Я подыскиваю себе работу. Извините, я экономист по образованию, долго не работала, и теперь без опыта работы меня никуда не берут. Я живу сейчас одна, смогла бы уделять все свое время вашей дочери, – произнесла Ирина, заметив, что начала повторяться, и говорит без твердости в голосе. Где ее достоинство, с которым она держалась среди богатых людей? Если она сейчас не добьется этой работы, а это можно работой и не называть, так жизнь с девочкой, то впереди ей снова грозят ночные бдения в кафе и нищета.

– Можете оставить свой телефон, мы вам завтра позвоним, – сказал Игорь, не собираясь, принимать поспешных решений, тем более, на ночь глядя.

Воспрянувшая духом Ирина, сникла и разочарованно произнесла:

– Да, конечно, – и вытянув из сумки блокнот, написала номера домашнего и сотового телефонов. – Вот, возьмите, – протянула она листок, – и извините за беспокойство, – проговорила Ирина, поднимаясь с сиденья, стараясь не смотреть в глаза мужчины, изучающие ее, и покинула кабинку.

Она вернулась за свой столик, взяла в руки чашку с остывшим кофе, и, сделав глоток, уткнулась взглядом на его дно, покрытое кофейной гущей, отрешенным взглядом. Не позвонят, зря распылялась перед ними, даже разволновалась. Как дальше жить? Устроиться на низкооплачиваемую работу, это смешно. Заработанных денег не хватит на оплату коммунальных услуг. Продать квартиру, приобретя меньшую размером? Но насколько хватит тех денег, они же не будут в безмерном количестве. Может, все же сдавать внаем, но кто попадется в жильцы? Продать одну из машин, а как это делается? Как пить дать обманут ее при этом? И вообще, что ей делать с головой, которая помутилась после общения с бабкой? Вот, зараза, мало, что несчастья ниспослала на ее голову, так и мечту под корень зарубила. Слезы безысходности пробились сквозь крашенные ресницы и потекли по лицу. «Вот, еще чего не хватало, – рассердилась на себя Ирина, – столько времени сдерживала слезы, а сейчас разнюнилась. – Обиделась, что не напрогночили тебе счастья и не проявили доверия сейчас, – мысленно обратилась она к себе, – а что ты еще ждала в этом жестоком мире?»

Она достала из сумочки платочек, зеркало и стала осторожно вытирать подтеки туши под глазами, и потому не заметила, как в ее кабинку вошли мужчина и девочка.

– Ирина Николаевна, – женщина вскинула голову, как только услышала его голос. Игоря удивило, что, несмотря на поздний час, она продолжает сидеть в кафе, не торопясь, домой. Поджидает кого, если судить по чашке стоящей перед ней или просто проводит время? Но на все мысленные вопросы, а их становилось все больше и больше, не было ответов. С чего вдруг его заинтересовала эта женщина? Ставить ее на одну ступень с Виолеттой он не мог, не то поведение. Его жена, на месте этой женщины, давно широко улыбалась бы, хлопая голубыми глазами, очаровывая собеседника. – Можно присесть?

– Да, пожалуйста, – ответила Ирина. Сложила в сумочку зеркальце и платочек. – Чем обязана? – спросила она сдержанным тоном мужчину, усевшегося напротив.

Игорь, удивленно посмотрел на нее, и тут заметил, что глаза у нее красные. Плакала, отметил он, и волна сочувствия пронеслась в его душе. Хотя, после побега Виолетты, он дал себе зарок, ни в коем случае не связывать себя снова с женщиной или даже обращать на них внимание. В конечном итоге может быть только один результат, новое предательство. Ему с его материальным достатком не светит спокойная семейная жизнь. Он улыбнулся уголком рта.

– Простите, но кажется, это Вы первой проявили интерес к нам. Вы хотите, сказать, что он уже пропал?

Ирина, без того взвинченная своей жизненной ситуацией и размышлениями по поводу этого, не хотела выслушивать замечания в свой адрес, и хотела отправить к черту этого мужчину, от них одни беды, но какая-то мизерная доля благоразумия прорвалась через гнев и обиду, собравшиеся в ней, и заставило остановить этот порыв.

– Да, я хотела бы присмотреть за вашей дочерью, – помолчав несколько секунд, ответила она. – Если, конечно, Ваша дочь не будет возражать против моей кандидатуры, – она перевела взгляд на девчонку, сидевшую с безучастным видом рядом с отцом. – Я вижу, она уже большая девочка, и может иметь свое мнение, – при этих словах глаза девочки за некрасивой оправой очков блеснули, а на пухлых красиво очерченных губах появилась легкая улыбка, обнажившая зубы, на которых была скоба. Но, видно вспомнив про нее, и поняв, что Ирина заметила ее, девочка перестала улыбаться и нахмурилась. «Кто ей купил эти очки в роговой оправе, – невольно подумала Ирина, – они просто уродуют ребенка. Да и прическа каре с ее прямыми, как палка волосами, не придает ей миловидности».

– Веста, согласна, – но, увидев, как поджались губы дочери, Игорь моментально исправился, – Света, согласна, поэтому мы и разговариваем с вами сейчас. Вы говорили, что она может жить в Вашей квартире на время моего отсутствия.

– Да. У меня для ее проживания есть все условия.

– Это хорошо, потому что я снимаю однокомнатную квартиру, и там нет даже приличной мебели. Могли бы мы доехать до Вашей квартиры и посмотреть ее?

– Сейчас?

– Почему бы и нет? – ответил он вопросом на вопрос, – все меньше на завтра у меня дел останется перед поездкой, – пояснил он. – Заодно и в спокойной обстановке договоримся об оплате.

Ирина недоверчиво посмотрела на него. Неужели он согласится оставить девочку с ней, и она хоть что-то заработает за следующую неделю.

– Ну, что ж, поехали, – согласилась она.

Выйдя на улицу, выяснилось, что у мужчины автомобиль «Жигули» шестой модели. Ирина со времени побега своего мужа за руль ни одной из своих машин не садилась, боясь попасть в аварийную ситуацию среди нетерпеливых и сумасшедших водителей Уфы, потом не расплатиться из скудного кармана.

Мужчина открыл перед ней дверь на переднее пассажирское сиденье. Ирина села, и стала наблюдать, как он обходит машину и садится на водительское место. Оно явно ему было маловато, несмотря на то, что мужчина не был полным. А объект ее наблюдения, сев за руль, повернулся к ней, чем заставил смутиться Ирину, и, широко улыбнувшись, сказал:

– Извините, не представился. Краин Игорь Александрович.

Ирина растерялась перед его открытой улыбкой, и потому буркнула:

– Приятно познакомиться.

– А нам-то уж как, – заявил Игорь Александрович, и, заводя двигатель, глянул в зеркало заднего вида и подмигнул дочери.

Визит сей дамы в их кабинку в кафе был для Игоря и его дочери неожиданным, но еще более неожиданным было для него то, что дочь сама захотела быть ее подопечной. Спустя несколько минут после ее ухода, когда Игорь и его бывший сослуживец по Чечне Никита, стали прощаться и договариваться о следующей встрече, Веста прильнула к его уху и прошептала:

– Папа, давай, возьмем эту тетю мне в няни.

Игорь, ошеломленно взглянув на нее, спросил:

– С чего это вдруг тебе захотелось быть с ней?

– Она не такая дерганая, как мама, и мой вид восприняла спокойно, даже не поморщилась.

– С чего бы вдруг при виде тебя ей морщится, ты что страшная?

– Не страшная, а невзрачная, – твердо глядя отцу в глаза, сказала она.

– Ничего себе! Кто это тебе вбил в голову такие глупости? – внешне спокойно, но, закипая внутри гневом, задал он вопрос дочери, понимая, что без Виолетты здесь не обошлось. Она несколько раз ему говорила, что дочка абсолютна на нее не похожа, настоящий гадкий утенок. А он мысленно отвечал: «И, слава богу. Мне одной, как ты хватает». Вот только дочь не может так себе сказать, для девочек красота имеет большое значение. Злость на легкомысленную жену закипела в нем. Черт, с ним, что она меня оставила, но из-за дочери, я ей никогда не прощу этого.

Дочка не ответила, опустила взгляд, тем, подтверждая мысли Игоря. И тогда он решился, нанять эту женщину. Может, ребенок точно разглядел в ней человека, который поможет обрести ей уверенность в себе и в своей внешности. Хотя Веста для него всегда будет самой красивой любимой дочерью.

За размышлениями, и воспоминаниями в которые погрузился Игорь, как только они отъехали, видя, что женщина не собирается поддерживать светскую беседу, он чуть не упустил поворот к ее дому.

Было около двенадцати ночи, когда Ирина открывала входную дверь подъезда. Войдя в него и находясь рядом с Краиным и его дочерью, она ощутила, как волна спокойствия окутывает ее. И пока ехали в лифте, чувство покоя ее не покидало, что заставило скосить глаза на мужчину, и задуматься, отчего это происходит с ней.

Но мысль, что она сейчас войдет в квартиру в это время ночи, пусть даже и с ними, заставило ее напрячься.

– Вот проходите, смотрите, в каких условиях будет жить Ваша дочь, – сказала Ирина, как только они переступили порог.

На удивление ее жилье сегодня не дышало агрессией против нее, и прежние страхи Ирины рассеялись, как только отец с дочерью прошли по квартире. Облегченный вздох вырвался из ее груди, когда она поняла это, и настроение у нее поднялось. Но она понимала, что как только они покинут квартиру, к ней снова вернется ужас присутствия рядом с ней кого-то постороннего невидимого ей.

– Что будете пить? Кофе, чай? – спросила она, пытаясь задержать своих гостей на дольше и затянуть, пусть и обманное ощущение безмятежности.

Отец с дочерью переглянулись.

– Чай некрепкий, – сказал мужчина.

– Пройдемте на кухню, там уютнее, – предложила Ирина.

Пока она включала электрический чайник, потом доставала заварку, и ставила на стол скудное угощение, состоявшее из залежавшихся печенья и конфет, «со времен жизни со мной мужа», – усмехнулась она про себя, – Краин и Веста, осматривали с интересом кухню, обставленную кучей бытовой техники, и невольно наблюдали за ее движениями. Как только был разлит чай, Ирина села перед ними и улыбнулась Весте. Это была первая непринужденная улыбка за время ее одиночества.

– Какие-нибудь интересы есть у тебя?

– Люблю книги читать, – ответила она, но только в начале взглянув на отца и получив его поддержку в виде улыбки.

– А тебе нравится театр? – продолжила беседу Ирина.

– Да. У нас в городке мы с папой ходили на спектакли, – слегка смущаясь, проговорила девочка.

– Это были постановки нашего местного театра, – вступил в их разговор Игорь. – Нам бы, конечно, хотелось посетить и профессиональный республиканский театр, но пока, что не нашлось у меня времени сводить ее туда.

– Если она хочет, я могу сходить с ней на дневные постановки. Также мы можем посетить и парк аттракционов, кафе-мороженые. Еще есть аква-парк.

– Правда? – радостно воскликнула девочка, и посмотрела на отца, – можно, папа?

– Я буду только рад, – обняв дочь за плечи, прижал к себе и поцеловал ее в висок. – А теперь, раз ты уже выпила свой чай, иди, посиди в зале. Можно ей включить телевизор?

– Да, конечно. Света, пульт управления возле телевизора должен быть.

Как только за девочкой закрылась дверь кухни, Краин пристально глядя на Ирину, произнес:

– Прошу извинить, если Вам вдруг не понравится мой вопрос, но скажите, кто хозяин этой квартиры? Это я к тому, не окажется так, что к моему приезду вас могут выселить отсюда.

Ирина почувствовала, как жар запылал на ее щеках, но обижаться не было смысла. Отец вправе знать, надежность места проживания дочери.

– Это моя квартира. Я могу показать документы.

Если она думала, что он поверит ее словам, то глубоко ошиблась, потому что он кивнул головой и сказал:

– Да, мне хотелось бы убедиться в этом.

И Ирине пришлось идти за ними. Спустя десять минут она положила перед ним свидетельство о праве на собственность.

Краин, прочитав его, удовлетворенно кивнул головой.

– Тогда можно поговорить и об оплате за ваш предстоящий труд. Три тысячи рублей вас устроит и плюс пятьсот на мелкие расходы?

Почему-то этот вопрос заставил Ирину смутиться больше, чем вопрос о ее квартире. В то время, когда она из-за их присутствия в квартире ощутила, наконец, долгожданную безмятежность, ей стало стыдно брать за это с них деньги, потому она молча кивнула головой, соглашаясь с ним, боясь, что вслух может ляпнуть, что-то вроде: «Да, что Вы, зачем?»

– Ну, что ж, тогда, завтра вечером я привезу ее к Вам с небольшим количеством вещей, необходимых на неделю, – довольным голосом произнес Краин, и поднялся с диванчика.

Здесь Ирину снова обуял страх. А ей куда, снова в кафе податься? Она знала, что, как только за гостями закроется дверь, ощущение липкого страха снова появится за спиной.

– Игорь Александрович, – воскликнула она, когда уже он взялся за ручку кухонной двери. – Хотите, оставьте Весту с сегодняшнего дня, – предложила она.

Увидев недоумение на его лице и нежелание соглашаться с предложением, она быстро заговорила:

– Но и вам потом будет легче в командировке осознавать, что вы дочь оставили в надежных руках. А она вам уже завтра сможет сказать, так это или нет. Вы позвоните в обед по телефонным номерам, что я Вам записала, – договорила она почти умоляющим голосом.

– Ну, что ж, – задумчиво произнес он, – пойдемте, спросим Весту, фу, ты Свету, согласится ли она на такой эксперимент.

– Одну минуточку, – переведя дыхание от облегчения, что ей не предстоит бессонная ночь, придержала она его за локоть, и тут же отдернула руку, почувствовав его прохладную кожу под пальцами. – Почему Вы ее зовете, то Вестой, а потом исправляетесь на Свету.

От этого вопроса на его лице промелькнули выражения печали и мрачности.

– Присядем? – спросил он, показывая на кухонный диванчик.

Они вернулись, уселись за стол, друг против друга. И тут Ирина поняла, что Краин не просто симпатичный мужчина. Его крепкая высокая фигура, голубые глаза, затуманенные горечью, на смуглом худощавом лице, затронули ей душу. «Вот уж не думала, – промелькнуло у нее, – что через полтора месяца после предательства одного мужчины, посмотрю на другого». Если бы она знала, что и Игорь, сквозь горькие мысли о судьбе своей дочери, которой придется расти без матери, посмотрел на нее мужским оценивающим взглядом. Его удивило ее беспокойство за его малышку, какой она останется для него всегда. Но для Ирины Николаевны это чужой ребенок, и она не должна принимать близко к сердцу их проблемы.

– Я хотел бы вас попросить об одной услуге, – начал он, стараясь не смотреть ей в лицо, потому что понял, только сейчас, насколько она красива и очаровательна.

Глаза с миндалевидным разрезом, играющие цветом от зеленого до синего, красиво очерченные слегка пухлые губы, небольшой прямой нос, выдающиеся скулы, на удивление удачно гармонировали между собой, и создавали картину неброской красоты. Уловив ее, хотелось любоваться долго, не отрывая взгляда.

– Настоящее имя моей дочери Веста.

– Красивое имя.

– Да, имя, но не сама, как она говорит, – с грустью улыбнулся Краин. – Поэтому она не хочет иметь такое вычурное имя при своей внешности.

– Какая чушь, – фыркнула Ирина, – у нее красивые глаза и губы, а это уже достаточно для того, чтобы сказать, что она симпатична.

– Вы так, считаете? – с надеждой посмотрел он на нее. – Мне бы очень хотелось, чтобы в ней появилась уверенность, что она хорошенькая. Сможете ли Вы вбить это в ее голову.

– Проще простого, – улыбнулась Ирина. – Ее надо постричь по-другому и купить другие очки.

– Вы уверены, что это изменит ее внешность? – сомнения не оставляли Игоря.

– Положитесь на меня Игорь Александрович, и... дайте мне только денег на это, – попросила Ирина.

– О, конечно, – засуетился Краин, и вытащил из кармана несколько пятисоток. – Вот здесь три тысячи, а завтра я привезу еще полторы. Надеюсь, тысячи хватит для ее преображения?

– Мы постараемся уложиться, – не трогая денег, ответила Ирина. – Ну, так что? Вы оставите ее ночевать со мной сегодня? – этот вопрос ее интересовал сейчас больше всего.

– Да, я поговорю с ней.

– Я побуду на кухне, позовете меня, как только договоритесь.

На удивление Игоря, Веста согласилась сразу и даже с радостью. Но ее можно было понять. Той квартире, что ему пришлось снять в срочном порядке, больше всего подходило название медвежья берлога, и видно она дочери до чертиков надоела. Целыми днями она

находилась дома одна, уставившись в экран телевизора, боясь выйти на улицу незнакомого ей города, пока он таскался за своим шефом. «Надо или менять квартиру, или вернуть жену, или найти новую жену, иначе я потеряю и дочь», – мрачно подумал Игорь, покидая роскошную квартиру Линевой и ее, счастливо улыбающуюся, прижимающую к себе его дочь.

Глава 5

Это был первый вечер, когда Ирина забыла о том, что осталась одна без мужа и об ужасе, навеванном бабкой с зелеными глазами. Об этом ей думать было некогда, она занялась обустройством Весты у себя в квартире и строительством планов на ее преображении завтрашним днем.

Веста оказалась покладистой девочкой и восприняла предложения Ирины без возражений, будь то, что надо принять душ, одеть модную слегка декольтированную сорочку Линевой. Когда надела ее, и увидела себя в зеркале, маленькую, худенькую, с торчавшей среди кружев тоненькой шеей, она приснула смехом.

– Классная у вас сорочка Ирина Николаевна, как у королевы, – улыбаясь, сказала она и прошествовала вдоль зеркала поступью важного лица.

Ирина лежавшая на кровати на боку, подставив руку под голову и с улыбкой наблюдавшая за девочкой, тоже не смогла сдержаться и рассмеялась следом за ней. Конечно, девочка выглядела уморительно в ее одежде, но она также заметила, что кружева придали ее чертам лица четкость, и они были очень приятны и красивы.

Ирина вскочила с кровати и подошла к девочке, крутившейся перед зеркалом и видимо самой заметившей свое преобразование, несмотря на уродовавшую ее оправу очков, и блистания скобы, во время улыбки.

– Постой-ка, Веста, – сказала она, не обращая внимания, что при звучании своего имени, девочка поморщилась, – а если тебе волосы прибрать наверх? – Ирина подняла их, сделав подобие шапочки, – ну, как тебе?

Девочка пожала плечами.

– Ну, хорошо, – Ирина не собиралась отступать, она хотела ненавязчиво дать понять девочке, что стрижка изменит ее. А если они с этого начнут, то и замена очков не станет проблемой. Там, может, придет пора и скобу снимать, и тогда будет на лицо очень и очень хорошенькая девочка, размышляла, глядя на ее отражение в зеркале, Ирина. – Сними-ка очки.

Веста послушно сняла, и слегка шурясь, посмотрела на себя в зеркало.

– Подойдем поближе к зеркалу, и ты увидишь, что убранные верх волосы, открывают твое лицо. Ну, как?

– Кажется, да, – неуверенно ответила она.

Но Ирина заметила, что девочка понравилась себе такой, и взгляд ее глаз стал совсем другой.

– Давай завтра с утра сходим в парикмахерскую и подстрижем тебя под пажа.

– Вы поведете меня? – не веря, что она может выглядеть поинтереснее, спросила Веста.

Ирина прижала ее к себе.

– Конечно, Веста, но это не все, об остальном я расскажу тебе завтра, – сказала она, хитро улыбаясь, – а теперь пора спать, уже почти два часа ночи, иначе мы завтра проспим, и до приезда отца не успеем сделать задуманное.

Ирина положила спать Весту на второй половине своей супружеской кровати. Веста была в восторге от такого пространства, и пока она затихла, крепко заснув, прошло наверно не менее получаса. Ирина лежала, улыбаясь в темноту, потом повернулась лицом к спящей девочке, и, разглядев черты ее нежного лица, протянула руку и слегка дотронулась до щеки девочки, и тут же отдернула, боясь, что вдруг она проснется от ее прикосновения. Губы Ирины задрожали, сердце сжалось. Ей никогда так не любоваться своим ребенком. Веста вздохнула и легла на другой бок, повернувшись к ней спиной. Ирина замерла, пережидая ее маневр, а потом пододвинулась поближе к девочке, и осторожно положила на ее талию руку поверх одеяла. Девочка продолжала спать, не шелохнувшись, тогда Ирина осмелилась, прижаться к ее голове лицом

и с удовольствием вдохнуть приятный запах шампуня, исходящий от ее чистых волос. Спустя несколько минут к мирному сопению девочки присоединилось легкое мерное дыхание Ирины.

Веста проснулась от стойкой тишины, и только когда открыла глаза, вспомнила, что находится не в убогой однокомнатной квартирке, которую они снимали с отцом в Деме на шумной улице, а у женщины, с которой ей предстоит прожить целую неделю, пока ее папа будет в отъезде. Эту ночь, несмотря на разлуку с ним, она спала очень хорошо. Она удовлетворенно потянулась, размышляя, что этим лишь начинаются приятные перемены в ее жизни, и тут поняла, что лежит в объятиях Ирины Николаевны. Тяжесть ее рук Весте не была неприятна, наоборот, она почувствовала радость. Значит, она не настолько некрасивая и плохая девочка, если такая женщина, как Ирина Николаевна позволила себе обнять ее.

О любви отца к себе, Веста знала всегда, а вот мама, никогда ее не приласкала, не обнимала на ночь и не целовала. Она нахмурилась, вспоминая прожитые с матерью годы, и что не увидела с ее стороны ни одного признака любви к себе. Продолжая с удовольствием лежать в объятиях чужой ей женщины, она представила, что это ее родная мама обнимает ее. Понемногу жившись несколько минут с бурной фантазией в голове, она вспомнила, что Ирина Николаевна пообещала ей на сегодня массу сюрпризов, и встрепенулась. Услышав, что дыхание за ее спиной уже не ровное, она поняла, что разбудила и свою попечительницу. Веста повернулась к ней лицом.

– С добрым утром, Веста, – произнесла Ирина, улыбаясь ей. За ночь она ни разу не проснулась, а приснившийся сон, в котором она крепко прижимала к себе младенца, был настолько приятен, что она чувствовала себя отлично отдохнувшей и полной сил. Поэтому, чтобы немного потянуть приятные воспоминания сна, она снова закрыла глаза.

– Ирина Николаевна, Вы сказали, что мы сегодня пойдем в парикмахерскую, – шепотом проговорила Веста.

Ирина мгновенно распахнула глаза и воскликнула:

– Который час? Ничего себе, уже десять, – посмотрела она на часы, – и, откинув одеяло, бодро произнесла, – тогда встаем. У нас с тобой на сегодня куча дел запланирована. Беги, умывайся, – велела она Весте, – а я пока завтрак приготовлю.

Из дома они вышли в одиннадцать часов утра. Выйдя на центральную улицу, Веста взялась тут же за руку Ирины, боясь многолюдной толпы, спешащих мимо людей. Почувствовав доверчиво вложенную детскую ладошку, Ирина слегка сжала ее и улыбнулась девочке.

– Тут недалеко, – сказала она, ощущая, как в ее душе поднимается волна предпраздничной эйфории.

Игорь, оставив дочь, ночь провел в беспокойных снах, они ему обычно снились очень редко, но сегодня был эмоциональный пик, так что он хорошо ощутил всю жесткость продавленных пружин хозяйского дивана. Поэтому в двенадцать часов дня его внимание было направлено не на то, чтобы уберечь спину и зад босса, а размышлениями, как там его дорогая любимая дочурка и звонить или не звонить ей, заодно, чтобы услышать голос заинтриговавшей его не на шутку женщины. Выдержки Игоря хватило до обеда, во время него, сидя за столом в кафе, он набрал номер сотового Линевой, и почувствовал неровное биение сердца.

– Ирина Николаевна, Краин беспокоит, здравствуйте, – сказал он, как только услышал ее голос. – Как моя девочка?

– Прекрасно! – возбужденно ответила она. – Мы скоро вернемся домой. Веста интересуется, когда вы приедете? Подождите, я передам ей трубку.

– Папа, привет, – голос дочери был не менее оживленным, чем у Линевой. – У меня все прекрасно, ты сам убедишься в этом, когда меня увидишь. Во сколько ты приедешь?

«Чем они там занимаются?» – подумал невольно Краин, от их голосов так и пышет радостью. Давненько его дочь не проявляла счастливых эмоций. Казалось, с уходом матери из нее

потихоньку вытекала жизнь, но сейчас он не мог бы сказать, что она только вчера была подавленной из-за всего, что пришлось ей пережить.

– Чуть позже восьми вечера. Я рад, что у тебя все хорошо, – сдержанным голосом добавил он, – целую тебя.

– Я тоже, папа. Пока, – и она отключила телефон, будто куда-то спешила.

Все это было для него внове, обычно Веста старалась затянуть с ним разговор, пообщаться подольше. «Грядут изменения», – хмыкнул Игорь и принялся за суп, который уже покрылся пленкой остывшего жира.

Но возможность доехать до дочери у Краина появилось только в десятом часу вечера. Его босс был из новых русских, который мало кому доверял и потому старался сам разрешать все возникающие проблемы. Игорю оставалось молча находиться с ним рядом, и старательно скрывать свое раздражение по поводу затянувшегося рабочего дня, но оно порой все же проскальзывало на его лице.

– Игорь, жду тебя в три ночи, – сказал ему на прощание босс, и вдруг улыбнулся, – мне понравился сегодня твой вид. Ты заметил, какие оценивающие взгляды бросали на тебя люди Толкачева, а к концу нашего разговора уважительные?

– Эмоции, – коротко ответил Игорь.

– Конечно. Но они могут подсказать, чего нам ожидать от своих противников и конкурентов. Благодарю за хорошую службу. Но, также хочу чтобы ты знал, что хороших людей я не оставляю в накладе.

– Спасибо, – произнес бесстрастно Игорь, в то время, когда в его душе бушевали чувства и мысли, как бы поскорее уйти отсюда и оказаться в другом конце города возле дочери, и чего скрывать от себя, возле Линевой.

– Это папа, – раздался радостный голос Весты за дверью квартиры Линевой, в которую позвонил Игорь спустя полтора часа. Но девочка, повисшая на нем, как только он переступил порог, имела мало общего с его дочерью.

Игорь поверить не мог, что это Веста. Короткая стрижка – пышная на макушке, открывающая взору ее худенькое лицо, настолько преобразила ее, но этому способствовали и новые очки, лишенные всякой оправы и ладно сидящие на ее маленьком точеном носике, показывая красоту ее васильковых глаз. Но это было еще не все, его девочка широко улыбалась ему, и не было видно блеска скобы на зубах.

– Бог ты мой, – не удержался от восклицания Игорь, – это правда, моя дочь?

– Да, папа. Я тебе нравлюсь такая? – Закружилась она перед ним, и тут Игорь обратил внимание и на ее одежду. На ней был новенький летний костюмчик яркой расцветки – юбка-шорты с оригинальной футболочкой. – Это все Ирина Николаевна.

Игорь поднял взгляд на женщину, стоявшую недалеко от них и с легкой улыбкой на лице наблюдавшую за ними.

– Как мне вас отблагодарить? – спросил он, ошеломленно глядя на нее. Он не думал, что один день с чужой женщиной может изменить его дочь так сильно, к тому же здесь были на лицо еще и внутренние изменения. Его дочь выглядела такой счастливой, какой он видел ее, когда они жили полной семьей. И еще Игорь понимал, что в метаморфозе с Вестой не был заключен только денежный интерес, эта женщина вложила в нее свою нерастраченную любовь к детям.

– Не стоит. Мне очень понравилось дарить Весте радость. Проходите, мы ждем вас, чтобы поужинать вместе.

Приподнятые в удивлении брови Игоря, дали понять Ирине, что он не ожидал такого теплого приема от нее.

На кухне Веста, не отходящая от отца ни на шаг, села рядом с ним, обняла его за руку и начала рассказывать, чем они занимались сегодня с Ириной Николаевной.

– Мы в начале пошли в парикмахерскую, где Ирина Николаевна сказала, как меня постричь, а потом в оптику, где потратили уйму времени, пока Ирине Николаевне понравилась эта оправа, – говорила она возбужденно, так что окончания некоторых слов заглатывала. – А потом мы пошли в зубной, но не зубы выдирать, папочка, а чтобы спросить, не хватит ли мне носить эти скобы, потому что Ирина Николаевна заметила, что зубы у меня все ровные. И что ты думаешь, врач согласился с Ириной Николаевной, и мне разрешили их больше не накладывать.

Игорь слушал ее, но половина информации до него не доходила, его слуха достигала только частота повторяемости дочерью имени Линевой, и потому он неотрывно следил ней, ставящей на стол приборы и накладывающей еду на тарелки. Через несколько минут наблюдения за ней, он понял, что, и она сегодня выглядит иначе, чем вчера. По сравнению с прошлым вечером, она двигалась размеренно и мягко, а на ее красивом лице держалась спокойная, полная достоинства улыбка, еще больше подчеркивающая ее красоту. И сердце Игоря дрогнуло. Эта женщина вела себя так, как будто принадлежность его к мужскому полу не имела для нее никакого значения. «Виолетта, на ее месте уже из платья бы вылезла, лишь бы мужчина расстился перед ней и осыпал комплиментами, а эта, зная, что я приду сюда, даже не подумала нарядиться, ходит в старых джинсах и невзрачной футболке. Хотя, это старье, подчеркивает ее ладную невысокую фигуру и придает ей большее очарование, чем нарядный вчерашний костюм», – сделал он мысленное заключение, перед тем, как опустил взгляд на тарелку и начал есть, не обращая внимания, на то что, ему было наложено. Но и тут его ожидал сюрприз, содержимое во рту таяло. Давно он не ел вкусной домашней стряпни.

– Вкусно, – коротко выразил он свое мнение.

– Спасибо, – слегка улыбнувшись, поблагодарила Ирина, но глаза мужчины смотрели на нее так, будто это не еда была высокого качества, а она сама. Это ее немного смутило, но чтобы не выглядеть чересчур растерянной под мужским взглядом, она решила завести беседу. – Не поделитесь, чем занимаетесь в жизни, вдруг я по незнанию отзовусь о вашей сфере деятельности без почтительности.

– Был водителем, а сейчас меня повысили в должности, – с небольшим скептицизмом проговорил он, – я теперь телохранитель своего босса. Хотя радости от этого не ощущаю, потому что мысль, чтобы отдать свою жизнь за другого мне особого интереса и радости не доставляет. Но он хорошо оплачивает мою работу, а нам с Вестой нужна своя квартира. Вот поднакоплю немного денег, чтобы хватило на квартиру и брошу эту работу. Дожить бы только, – усмехнулся он.

– Папа, может не надо тебе там работать, – посмотрела на него дочь с мольбой в глазах. – Поживем и на квартире, а вдруг, что случится с тобой, с кем я буду жить?

– Не переживай Веста, у этого дядьки, что я работаю, не был еще прецедентов покушения на него. Просто он, таким образом, как бы держит свою марку перед другими богатыми людьми, – мысль, что все же на всякий случай босс и оберегает себя, Краин оставил при себе, но по взгляду брошенного на него Линевой, он понял, что она-то не поверила его словам, высказанным в легкомысленном тоне. Интересно, что она чувствует сейчас, при мысли, что его могут убить. Туда тебе и дорога, или сожаление, что такой мужчина, как я могу пропасть. Кстати, где ее муж? И этот вопрос его теперь интересовал больше всего.

– Когда вы уезжаете? – спросила Ирина, желая уйти от неприятной для его девочки темы.

– В три часа ночи, мне нужно быть у босса.

Ирина взглянула на часы, показывающие двенадцать ночи.

– Вам нужно еще подготовиться к поездке?

– Нет, я заезжал на квартиру, прежде, чем направился сюда.

– Тогда я думаю, вам нет смысла уходить отсюда раньше двух часов ночи. Мы можем проводить Вас, а завтра отоспимся, правда, Веста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.